

Мелиха Бенли Альтунисик

Влияние процесса вступления Турции в ЕС на ее ближневосточную политику

Решение Европейского совета об официальном принятии Турции в страны-кандидаты на Хельсинском саммите в декабре 1999 года стало фундаментальным поворотным моментом в отношениях ЕС и Турции. Отношения стали еще значительнее после решения Совета в декабре 2004 года начать переговоры о вступлении в октябре 2005 года. В данной статье рассматривается значение развития связей Турции с ЕС для арабского Ближнего Востока, с учетом перспектив всех действующих лиц, а именно Турции, ЕС и ближневосточных стран.

Турция и Ближний Восток во время холодной войны

Турция имеет множество региональных особенностей, одной из которых является ее близость к Ближнему Востоку. С этим регионом Турцию объединяет ряд исторических и культурных связей. Большая часть территории, которая ныне называется Ближним Востоком, с такими известными исключениями, как Иран, Саудовская Аравия и Марокко, некогда входила в состав Османской империи и на протяжении почти 400-летнего периода управлялась из Стамбула. Такая общая история, равно как ислам, порождают культурную близость. В современный период, подобно детям с замедленным развитием, Турция и страны региона поначалу разделяли одинаковые социально-экономические и политические проблемы. Несмотря на такую существенную общность, имеются и

важные особенности, отличающие Турцию от остальных стран региона. В отличие от большинства его государств, Турция избежала колониального правления и в 1923 году обрела независимость, преодолев последствия мирного договора, навязанного ей в конце первой мировой войны. Страны же арабского Ближнего Востока, за единственным исключением внутренней Аравии, состояли под колониальным правлением вплоть до 1940-х и 1950-х годов, что оказало длительное воздействие на их социально-экономические и политические структуры. Во-вторых, турецкая политика модернизации получила недвусмысленное культурное измерение. Фактически процесс модернизации в значительной степени определялся как вестернизация, а также было предпринято радикальное отделение церкви от государственной политической сферы¹. Некоторые страны региона последовали той же модели развития, но ни одна из них не пошла так далеко, как Турция.

После окончания второй мировой войны Турция стала членом НАТО и таким образом твердо присоединилась к Западному блоку в холодной войне. Арабские ближневосточные страны, с другой стороны, официально не входили ни в какие блоки, но каждая в отдельности развивала тесные связи с той или иной супердержавой. Доминирующее движение и дискурс 1950-х и 1960-х годов на арабском Ближнем Востоке породили образ Турции как марионетки Запада и пользовались особым успехом как выстроенные на основании отрицательного исторического наследия Османской империи, в Машреке².

---

¹ Хотя отделение церкви от государства обычно связывается с республикой, корни его лежат еще в Оттоманском государстве. См.: M.B. Altunışık, O.Tur, *Turkey: Challenges of Continuity and Change*, The Contemporary Middle East Series, UK: Routledge/Curzon, 2005, Chapter 1.

² Наследие Османской империи сильнее ощущается в Магрибских странах. Это происходит главным образом по двум причинам. Прежде всего, они располагались дальше от центральной администрации и потому испытывали больше автономии. Во-вторых, они подпали под европейское колониальное правление намного раньше, чем страны Машрека и, таким образом, перестали быть частью империи еще до ее падения. Машрек, однако, прошел через трудный и запутанный процесс распада и потому хранит об империи куда более отрицательную историческую память.

В итоге в эпоху холодной войны страны региона рассматривали Турцию в значительной степени в отрицательном свете. Со своей стороны, Турция также дистанцировалась от региона и идентифицировала свою региональную принадлежность как западную. Таким образом, Турция обладала в регионе весьма ограниченным влиянием. Внешнеполитическая и военная элита Турции определяла Ближний Восток как нестабильную и находящуюся во власти конфликтов область и старалась не «увязнуть в ближневосточном болоте». В ответ на рост цен на нефть был сделан некоторый акцент на развитие экономических отношений, однако политическая причастность к региону оставалась ограниченной.

Становление Турции как «твердой руки» на Ближнем Востоке

Ситуация драматически изменилась после окончания холодной войны. Две проблемы, появившиеся в середине 1980-х годов, а именно: курдская и водная – все более и более втягивали Турцию в ближневосточные дела. С точки зрения Турции, ее отношения с регионом целиком зависели от курдской проблемы. Сепаратистская курдская организация, КРП (Курдская рабочая партия) вела войну против Турции с 1984 года. После окончания войны в Заливе 1991 года и последующих событий в Ираке эта война вступила в новую фазу. Курдское восстание в северном Ираке после войны и его подавление режимом Саддама Хуссейна породило широкомасштабную проблему беженцев и поместило тяжелое положение курдов в международную повестку дня. Операция *Provide Comfort (ОРС)*, предпринятая в январе 1991 г. силами США, Великобритании и Франции, поначалу использовала турецкую территорию для обеспечения безопасного возвращения беженцев, а позже создала бесполетную зону по 36-й параллели. Таким образом, в иракской истории началась новая эра: центральное правительство утратило эффективный контроль над северными областями страны, населенными главным образом курдами, где образовалась «ничейная земля».

После этого события в северном Ираке появилась очень серьезная проблема для Турции. Правильное использование событий КРП в северном Ираке создало для нее основу. Таким образом, организация получила импульс, особенно в первой половине 1990-х годов. Кроме того, курдское самоуправление усугубило проблемы возможного распада Ирака и учреждения курдского государства с ирредентистскими требованиями о населенных курдами областях соседних стран, включая Турцию. Курдская проблема также доминировала в отношениях Турции с Сирией. Поддержка сирийского режима Курдской рабочей партией привела к ухудшению отношений между этими двумя странами, что достигло своего апогея в кризисе октября 1998 года. Для Сирии поддержка РКК стала козырной картой, разыгрываемой ею в водном конфликте с Турцией.

Водный конфликт с Сирией и Ираком по использованию рек Евфрата и Тигра возник в середине 1980-х, поскольку обе реки берут начало в Турции. Для Сирии и Ирака запуск много-миллиардного амбициозного Юго-восточного анатолийского проекта Турции (GAP), состоящего в возведении системы дамб и ирригационных схем, представляет угрозу. Ирак был не в состоянии бросить вызов Турции, сначала из-за Ирано-Иракской войны, поскольку нуждался в Турции как в выходе, особенно для своей нефти, а затем из-за войны в Заливе и последующих событий. Сирия, однако, была настроена бросить этот вызов, потому что расценила это как попытку Турции управлять Сирией посредством распоряжения водами рек³.

Поэтому в 1990-х годах в отношениях Турции с регионом доминировал традиционный подход силовой политики. Анкара пересмотрела свою стратегию и идентифицировала Ближний Восток как источник угрозы номер один для Турции. Отношение к проблеме как к одной из экзистенциальных угроз породил и экстраординарные меры, выходящие за

---

³ Более подробно о водной проблеме см.: A. Kibaroplu, *Building a Regime for the Waters of the Euphrates-Tigris River Basin*, The Netherlands: Martinus Nijhoff, 2002.

пределы традиционных политических средств. В турецко-сирийских отношениях Турция не удержалась от угроз применения силы в 1998 году, чтобы вынудить Дамаск прекратить поддержку КРП. Другой ответ Анкары на усиление угрозы от ее непосредственных ближневосточных соседей должен был подчеркнуть аспект безопасности турецко-израильских отношений, которые нормализовались с начала 1990-х годов в результате арабско-израильского мирного процесса. Турция, отказывавшая вступать в открытое сотрудничество по безопасности с Израилем, в середине 1990-х начала пересматривать эту политику. В результате Турция и Израиль установили тесные связи в политике безопасности и подписали два военных соглашения по дальнейшему развитию отношений в этой области⁴.

Новая политика Турции привела к общему ухудшению отношений Турции с регионом. Критика Турции со стороны арабского мира сконцентрировалась на трех проблемах. Прежде всего, Сирия преуспела в превращении водной проблемы в арабо-турецкую проблему. Дамаск внес свои водные проблемы с Анкарой в повестку дня нескольких встреч Лиги арабских стран и сумел получить ее поддержку. Во-вторых, частые военные вторжения Турции в северный Ирак в течение 1990-х годов получили весьма противоречивые оценки в арабском мире. Турция пыталась объяснить, что эти военные вторжения были нацелены на ограничение власти КРП, использовавшей северный Ирак как новую базу. Однако арабский мир в значительной степени остался неубежденным в турецком видении угроз и продолжал испытывать старые подозрения о секретной повестке дня Турции насчет возвращения области Мосула, то есть о том, что Турция «зарится» на

---

⁴ Соглашение о военных маневрах и сотрудничестве и Соглашение о сотрудничестве в области обороны подписаны в 1996 году.

арабскую землю⁵. В-третьих, из-за усиления связей Турции с Израилем, она стала центром критики нескольких государств региона. В противовес более ранней политике балансирования, Анкара на сей раз, похоже, не обращала особого внимания на проблемы арабо-израильского мирного процесса и в значительной степени игнорировала критику стран региона. Время усиления связей вооруженных сил Турции и Израиля было особенно проблематичным для арабских государств, поскольку в правление Бенджамина Нетаньяху в Израиле был остановлен мирный процесс. Поэтому арабские государства восприняли усиление турецко-израильских отношений как ход развития, решительно меняющий равновесие сил в регионе в пользу Израиля. Другие государства региона были также обеспокоены тем фактом, что выравнивание турецко-израильских отношений дает Турции дополнительные рычаги в регионе. Коротко говоря, окончание холодной войны привнесло в турецко-арабские отношения новые конфликтные вопросы.

Новое начало

Отношения Турции с арабским Ближним Востоком начали изменяться к лучшему с конца 1990-х годов. Два события 1999 года особенно существенно повлияли на изменение политики Анкары. Прежде всего, захват в Кении в феврале 1999 года лидера КРП Абдуллы Окалана, после долгой одиссеи, открыл новую эру в курдской проблеме⁶. Его захват и

---

⁵ Судьба Оттоманской области Мосул стала предметом спора между вновь учрежденной Турецкой Республикой и Великобританией, получившей мандат в Ираке. Турция продолжала требовать Мосул, тогда как Великобритания хотела, чтобы область стала частью вновь образованного государства Ирак. Спор был в конечном счете улажен через Лигу Наций в 1926 году, и Мосул стал частью Ирака.

⁶ К сожалению, эта эра длилась не очень долго. Неспособность правительств выдвинуть всесторонний проект по разрешению невоенных аспектов проблемы, американское вторжение в Ирак и усиление курдской власти в постсаддамовском Ираке, решение КРП вернуться и усилить свою власть всеми необходимыми средствами привели к окончанию относительного мира, и в последние годы курдская проблема вспыхнула с новой силой.

нарастающее турецкое военное влияние привели к ослаблению организации и по крайней мере на некоторое время расширили возможности отношений. Такой ход событий в значительной мере освободил политику Турции по отношению к арабскому миру от необходимости быть заложницей этой проблемы. Во-вторых, решение Европейского совета в 1999 году о принятии кандидатуры Турции на членство в ЕС повысило доверие к Турции. Эти два события, случившиеся одновременно, открыли для страны новые перспективы.

После 1999 года из этих двух событий вытекали несколько других проблем. Прежде всего, после Хельсинского решения Турция начала энергичный процесс реформ. Реформы начались при коалиционном правительстве, возглавляемом Булен-том Эджевитом. Несмотря на трудности достижения согласия в трехсторонней коалиции и существование ультранационалистической Национальной партии действия (МНП) как партнера коалиции, правительство оказалось в состоянии принять значительные меры по осуществлению реформ. В октябре 2001 года парламент принял ряд реформ – таких, как сокращение полицейских полномочий по задержанию и ослабление ограничений в правах человека. Был также снят запрет на радиопередачи на курдском языке и увеличено гражданское представительство в Совете национальной безопасности. Парламентом был принят новый Гражданский кодекс, вступивший в силу в январе 2002 года, нацеленный главным образом на рост свободы ассоциаций и собраний и вводивший усовершенствования в решение проблем, связанных с гендерным неравенством. В феврале 2002 года парламент принял другой пакет реформ, касающийся законов против террористической деятельности и изменений уголовного кодекса. В августе 2003 года парламент отменил смертную казнь и узаконил образование на других языках, помимо турецкого. После прихода к власти Партии правосудия и развития (АКР) она использовала свое большинство в парламенте для ускорения процесса реформ. В новых «Пакетах гармонизации» и поправках к Конституции о свободе мысли были

расширены свободы выражения и собраний и в то же время приняты новые меры по предотвращению пыток. Что особенно важно в контексте курдской проблемы, частным образовательным языковым учреждениям было разрешено обучение граждан традиционным диалектам. Также было позволено радиовещание на языках национальных меньшинств.

Наконец, были приняты существенные меры по уменьшению автономной власти вооруженных сил. Оборонный бюджет, определявшийся обычно турецкими вооруженными силами, перешел под контроль парламента; полномочия военных судов на преследование гражданских жителей были прекращены на период мирного времени; а места для военных представителей на Национальном радиовещании и в Высшем совете по образованию были упразднены. Самым важным стало изменение роли и институциональных аспектов Совета национальной безопасности. Баланс между гражданскими и военными членами Совета национальной безопасности сдвинулся, поскольку представители высшего командования перестали быть членами Совета, и сам Совет теперь возглавляется гражданским лицом. Кроме того, были сокращены исполнительные полномочия как Генерального секретариата Совета национальной безопасности, так и самого Совета. «В целом, функции Генерального секретариата теперь ограничиваются исследовательской и аналитической ролью, лишенной исполнительных прерогатив», а Совет национальной безопасности «был на деле восстановлен в качестве исключительно консультативного органа, с упразднением его контролирующих полномочий и обязательности принятия его решений гражданским правительством. Короче говоря, по крайней мере теоретически, СНБ уже не принимает решений, но лишь предлагает консультации»⁷.

Несомненно, при всем своем значительном воздействии на внутреннюю сферу, эти реформы имели и большое внеш-

---

⁷ B. Salmoni, *Turkey's Summer 2003 Legislative: EU Avalanche, Civil-Military Revolution, or Islamic Assertion?* // „Strategic Insights”, Vol. 11, Issue 9 (September 2003).

неполитическое значение. Благодаря положительным сдвигам в решении курдской проблемы и в отношениях с ЕС, начала происходить общая демилитаризация турецкой внешней политики. Такой ход развития увеличил поле маневра правительства и позволил ему в меньшей степени прибегать к военным средствам во внешней политике Турции по отношению к Ближнему Востоку. Стали развиваться экономические проекты, улучшившие отношения Турции с соседними странами. Кроме того, усиление демократического процесса в Турции внесло свой вклад и в дальнейшее решение ее внутренних проблем и тем самым уменьшило уязвимость в этом отношении.

Приход к власти Партии правосудия и развития привнес в этот процесс новое измерение. Правительство ППР подало важный сигнал политическим преобразованиям в Турции. ППР, как партия с исламистскими корнями, показала возможность развития исламистского движения в рамках светского демократического контекста. Партия имеет образ центральной консервативной правящей партии, желающей работать в русле светского конституционного порядка, и, в отличие от своих предшественников-исламистов, твердо поддержала членство Турции в ЕС. Это стало мощным сигналом для арабского Ближнего Востока. Решение турецкого парламента от 1 марта 2003 года о неприсоединении к поддержке американо-британского вторжения в Ирак также пошатнуло образ Турции в регионе как марионетки США и добавило уважения к Турции как к независимому участнику политического процесса, особенно среди арабов и интеллигенции, критически настроенной в отношении секретных торговых связей собственного правительства с Соединенными Штатами по поддержке войны, независимо от общественных настроений. В результате всех этих событий образ Турции в арабском мире постепенно улучшился.

Воздействие отношений Турции с ЕС на Ближний Восток

Воздействие развивающихся отношений ЕС с Турцией на Ближний Восток можно рассматривать на двух уровнях: во-первых, как воздействие на внешнюю политику самой Турции в отношении ближневосточных стран, а именно: действительно ли имеет место «европеизация» турецкой внешней политики или нет. Европеизацию здесь следует рассматривать в двух аспектах: как усиление гармонизации политики Турции в регионе с политикой ЕС и как интернационализацию Турцией внешнеполитических норм, методов и средств ЕС. Это, однако, с оговоркой, что развитие внешней политики и политики безопасности ЕС все еще остается весьма ограниченным. Хотя расширение сотрудничества в области европейской внешней политики и политики безопасности с 1970-х годов постепенно налагает единые требования на государства-члены ЕС и страны-кандидаты, общие позиции развиваются медленно.

Во-вторых, воздействие проявляется в том, как арабские ближневосточные страны воспринимают Турцию, а именно: оказывает ли влияние развитие отношений между Анкарой и Брюсселем на восприятие Турции в регионе. До недавнего времени стремление Турции в ЕС рассматривалось как «мечта», в значительной степени потому, что многие в арабском мире полагали, что ЕС никогда не примет в свои члены мусульманское государство. Хельсинкское решение и последующее развитие событий, в частности, решение о начале переговоров о вступлении, начали изменять такое восприятие.

Фактическое и потенциальное влияние отношений ЕС и Турции на Ближний Восток можно рассмотреть в трех аспектах.

1. Измерение политических и экономических реформ. Процесс реформ в Турции, ускоренный ходом отношений с ЕС, произвел особенно сильное влияние на восприятие Турции странами региона и открыл возможности для Турции проявить себя в роли «мягкой» власти. Прежде всего, в то время, когда почти все арабские правительства сталкиваются с

кризисом управления и законности, что зафиксировано в серии докладов ПРООН о человеческом развитии в арабском мире, недавние реформы в Турции в значительной степени были отмечены реформаторами в арабском мире как источник вдохновения. Как объясняет Фарес Брайзат из Центра стратегических исследований Иорданского университета, «Турция взята мусульманскими странами как образец для подражания, успешно уравновесивший традиции и модернизацию. Арабы увидели в Турции модель для проведения модернизации и демократизации... Это может внушить арабским странам, что, если они вводят демократические реформы, это значит, что они получают преимущества для улучшения партнерских отношений с Европейским союзом»⁸. Приход к власти ППП также привнес ценный вклад в турецкую модель, поскольку партия с исламистскими корнями продемонстрировала примирение с демократией и секуляризмом. Таким образом, турецкий опыт поддерживает то положение, что исламское движение может обрести умеренность через демократию. Это важный урок для поборников реформ в арабском мире, ибо сегодня главную оппозицию почти во всех арабских странах составляют исламисты.

Поэтому в русле дебатов о демократизации на Ближнем Востоке Турция выглядит «мягкой» властью. Она прогрессирует и вызывает все больше доверия⁹. Турция на пути к членству будет иметь больше привлекательности как «мягкая власть» и вносить положительный вклад в образ ЕС и его роль в регионе. В таком контексте Турция могла бы все более способствовать инициативам ЕС в отношении политических и экономических реформ в Средиземноморье. Наконец, членство Турции недвусмысленно опровергло весьма распространенную в мусульманском мире уверенность, что Турция не может стать членом ЕС, поскольку имеет мусульманское

---

⁸ A. Hakim, *Middle East Needs Turkey's EU membership*, October, 2, 2005, www.ankarapost.net/comments.php?id=1775, доступно с 1 апреля 2006 г.

⁹ Подробнее об этом см.: М.В. Altunisik, *The Turkish Model and Democratization in the Middle East* // „Arab Studies Quarterly”, Winter-Spring 2005.

население. Таким образом, членство Турции могло бы подорвать аргумент о «столкновении цивилизаций». Членство Турции может доказать, что для мусульман возможны отношения на равных с Западом. Это становится особенно важным, поскольку отношения Запада с мусульманским миром ухудшаются в результате ряда кризисов. События, связанные с тем, что получило название «кризиса карикатур», еще раз подчеркнули безотлагательность принятия мер против самосбывающегося пророчества о столкновении цивилизаций. Проект «Альянса цивилизаций», выдвинутый совместно премьер-министром Турции Тайипом Эрдоганом и премьер-министром Испании Хосе Луисом Родригесом Сапатеро в целях развития взаимодействия и диалога между исламским миром и Западом после «кризиса карикатур» представляется примером, демонстрирующим желание Турции способствовать этому сближению.

2. Внешнеполитическое измерение. Воздействие якоря ЕС на ближневосточную политику Турции можно увидеть в нескольких аспектах. Прежде всего, в последние несколько лет внешнеполитические позиции Турции в ближневосточной политике постепенно сближались с внешнеполитическими позициями ЕС. В подходах Турции и ЕС к ближневосточным проблемам уже достигнута значительная степень конвергенции. И Турция, и ЕС стремятся к разрешению арабо-израильского конфликта, к продвижению процесса политических и экономических реформ в регионе и к участию в работе по мирному урегулированию и восстановлению в Ираке. Однако такая конвергенция должна быть действующей. ЕС и Турция должны приступить к сотрудничеству в решении некоторых из этих проблем, не забывая при этом, что Турция является страной, ведущей переговоры о вступлении в Союз. ЕС должен понимать отношение Турции к Ираку в рамках того, что они оба стремятся к одной цели: объединенному, стабильному, демократическому и светскому Ираку. Первоначальной проблемой, с которой следует начинать, должно быть снятие напряженности в многоэтническом Киркуке. По заключению

недавнего доклада Международной группы по предотвращению кризисов (ICG), ЕС должен сделать больше, чтобы решить вопрос Киркука и помочь Анкаре защитить свои жизненные интересы, не прибегая к силе, что могло бы вызвать дестабилизацию¹⁰. ЕС и Турция могут также сотрудничать в формировании ограниченного многостороннего режима безопасности вокруг проблемы Ирака. Соглашение по коллективному набору базовых принципов – таких, как уважение территориальной целостности, мирное разрешение споров, по принятию мер формирования минимального доверия и по механизмам выстраивания диалога может стать началом. Внешние партнеры – такие, как ЕС, могут выступать гарантами системы и работать над созданием благоприятной окружающей среды и стимулов для такой системы, не будучи ее частью.

Подобным образом Турция усвоила более согласованный и менее конфронтационный подход к Ближнему Востоку. В 1990-х годах Турция действовала в регионе, как «сильная» власть, угрожая Сирии использованием военной силы, наращивая открытое военное сотрудничество с Израилем и устраивая военные вторжения в северный Ирак. В 2000-х годах стало заметно изменение стиля Турции в отношении к странам и проблемам региона. Турция стала проявлять больше умеренности и стала более привлекательным объектом, с ее политическими и экономическими преобразованиями и достижениями. Турция также начала одобрять обязательства как форму отношения к проблемам региона. В результате, в отличие от 1990-х годов, Турция оказалась в состоянии нормализовать свои отношения со всеми своими ближневосточными соседями. Наконец, Турция оказалась более вовлечена в активность по формированию коалиции. Турция стремится играть более конструктивную роль в арабо/палестинско-израильском конфликте, используя свои отношения с обеими сторонами. Турция также успешно преобразовала свои

---

¹⁰ *Iraq: Allaying Turkey's Fears over Kurdish Ambitions* // „Middle East Report“, International Crisis Group, No. 35, 26.01.2005.

конфликтные отношения с Сирией и играет лидирующую роль в учреждении форума для соседей Ирака, который мог бы превратиться в зародыш подрегиональной совместной структуры безопасности.

Процесс десекуритизации турецкой внешней политики в регионе сделал возможным активное участие негосударственных структур в решении региональных проблем. Например, Союз торговых палат и бирж Турции (*ТОВВ*) выдвинул Инициативу «Промышленность для мира» в отношении к палестино-израильскому конфликту. Инициатива состоит из двух элементов. Первый — создание механизма трехстороннего делового диалога с участием *ТОВВ*, Ассоциации производителей Израиля и Федерации палестинских торговых палат, промышленности и сельского хозяйства. Теперь эти партнеры проводят регулярные трехсторонние встречи в рамках того, что известно как Форум Анкары по экономическому сотрудничеству между Палестиной, Турцией и Израилем. Второй элемент — проект создания Индустриальной зоны в секторе Газа под управлением *ТОВВ*. К сожалению, реализация проекта отложена, поскольку около года назад область была объявлена Израилем «неподходящей» из-за роста насилия.

Таким образом, Турция сдвинулась от узко-определяемого фокуса безопасности в своей внешней политике к многомерной и многоплановой внешней политике в регионе. Этот процесс должен только усиливаться, если Турция твердо стоит на пути к членству в ЕС. Арабские страны также ожидают, что это членство внесет свой вклад в региональную стабильность и целостность. Военное невмешательство Турции в Ираке проложило путь к тому, чтобы сделать акцент на невоенных средствах даже в ее политике в отношении Ирака. Отношения Турции с ЕС ограничивают возможности военного решения проблем в Ираке. В последние несколько лет Турция усиливала дипломатические и экономические средства в своей политике с Ираком. Анкара также налаживает отношения со всеми группами в Ираке в поддержку политического процесса. Привязка к ЕС будет иметь особенную важность в этом

отношении. Для Турции на твердом пути к членству и дальнейшему самопреобразованию менее опасна природа федерализма в Ираке. С учетом того, что в случае проблем при процессе вступления или возможности несостоявшегося членства, Турция более опасалась бы свободной федерации. Такое положение может привести к усилению напряженности между этими двумя странами.

3. Экономическое измерение. Процесс переговоров о вступлении имеет и экономический аспект. Развитие отношений Турции с ЕС заставили арабские государства и инвесторов больше интересоваться Турцией, поскольку перспектива вступления превращает Турцию в дверь для арабских стран, готовую открыться в сторону ЕС. Турция стала популярным местом для вложений иностранного капитала, притекающего из ближневосточных стран, в 2004 году продемонстрировавших скачок по сравнению с предыдущим годом: в 2004 году в Турции работало 200 фирм, тогда как в 2003 г. не было никаких новых арабских инвестиций¹¹. Ясно, что начало переговоров Турции о вступлении в ЕС подействовало как сильный стимул для арабских инвестиций.

Дебаты о воздействии членства (или не-членства) Турции в ЕС в ближневосточном контексте вращались в основном вокруг двух положений. С одной стороны, выдвигался аргумент, что турецкое членство расширит границы ЕС с нестабильным Ближним Востоком и тем самым нанесен ущерб интересам ЕС. В более сложной версии этого аргумента подчеркивалось, что Турция могла бы лучше обеспечить стабильность и безопасность, играя роль изолятора между двумя региональными комплексами — Европой и Ближним Востоком¹². С другой стороны, также утверждалось, что «геостратегическое поло-

---

¹¹ „Turkish Daily News”, 8.08.2005.

¹² B. Buzan, Th. Diez, *The European Union and Turkey* // „Survival”, Vol. 41, No. 1, pp. 41-57, 1999. В недавней статье Томас Дизз утверждал, что предположения Бузана и Дизза были ошибочны, и события в Турции с 1999 года продемонстрировали, что членство больше подходит «для обеспечения стабильности и усиления гражданского общества в Турции». См.: Th. Diez, *Turkey, the European Union and Security Complexes Revisited* // „Mediterranean Politics”, Vol. 10, No. 2, July 2005, pp. 167-180.

жение Турции следует рассматривать более как приобретение, чем как обузу, ибо оно открывает новые горизонты ЕС». ¹³ Хотя прежний аргумент перекликается с общественным мнением в странах ЕС, он имеет серьезные ограничения. Из-за своей географической близости и зависимости от ближневосточной нефти ЕС фактически глубоко вовлечен в дела на Ближнем Востоке. Европа имеет большое и постоянно растущее мусульманское население, приблизительно 15 миллионов человек ¹⁴, и дебаты о роли ислама в нарождающейся европейской идентичности не прекращаются. Ключевая проблема в том, как объединить это иммигрантское население в светских политических структурах Европы. Если подождать еще с десятков лет, то проблема, вероятно, еще более обострится. Таким образом, будущее Ближнего Востока имеет для Европы огромное значение, которое Брюссель не может позволить себе игнорировать. Кроме того, большинство новых угроз безопасности европейским интересам, определенных в докладе «Безопасная Европа в лучшем мире: Европейская стратегия безопасности», подготовленном Верховным представителем ЕС Хавьером Соланой (12 декабря 2003 г.), такие, как терроризм, быстрое распространение оружия массового поражения, региональных конфликтов, организованной преступности, происходит из данного региона. Наконец, если ЕС хочет быть мировой державой, он должен быть главным игроком в таком стратегическом соседстве. Членство Турции может обеспечить ЕС стимулы и способности добиться этого. Фактически перспектива членства Турции «уже вынуждает ЕС посвящать больше ресурсов и развивать более последовательную политику в отношении к Ближнему Востоку. Вступление Турции увеличит выделенность Ближнего Востока и ускорит уже углубляющуюся причастность Евросоюза к делам региона» ¹⁵.

---

¹³ M. Emerson, N. Tocci, *Turkey as a Bridgehead and Spearhead: Integrating EU and Turkish Foreign Policy*, Brussels: Center for European Policy Studies, August 2004.

¹⁴ G. Kemp, *Europe's Middle East Challenges* // „The Washington Quarterly”, Vol. 27, No. 1, Winter 2003-04, p. 171.

¹⁵ S. Everts, *An Asset but not a model: Turkey, the EU and the wider Middle East*, Centre for European Reform, October 2004.

Членство в ЕС может также увеличить возможности Турции на Ближнем Востоке. В дополнение к тому, что она является важной региональной военной державой, статус Турции как «мягкой» власти может возрасти. Турция может стать более уверенной в себе, что приведет к дальнейшему усилению конструктивной роли Турции в регионе. С другой стороны, не-членство Турции не поможет ЕС отгородиться от нестабильности Ближнего Востока. Более того, неустойчивость, которую могут вызвать в Турции ближневосточные проблемы, может фактически перенести проблемы Ближнего Востока к порогу ЕС.

Коротко говоря, присутствие в ЕС устойчивой и преуспевающей мусульманской страны должно оказать огромное воздействие — и непосредственно на Европу, и на ее арабских и других мусульманских соседей. Поскольку передовая статья в «Дейли стар», издаваемой в Бейруте, поместила это прямо после решения Европейского совета начать переговоры о вступлении с Турцией: «Десятилетие может показаться долгим временем, но шар наконец покотился к членству Турции в ЕС, после сорока лет неопределенных разговоров... Турция будет теперь подвергаться существенным изменениям, которые в конечном счете неизбежно затронут и регион, Сирию и Ирак, в частности. Помимо помощи Европы, Турция будет также нуждаться и в помощи региона, и лучшим способом, каким могут помочь арабский и исламский миры (и выгадать сами), будет участие в экономическом, социальном и политическом преобразовании Турции. Развитие Турции в качестве инкубатора ислама в современном западном мире станет одним из самых увлекательных аспектов десятилетнего переходного периода к полноценному членству в ЕС, когда процесс вступления успешно завершится»¹⁶.

С английского перевел А. Горлов
(перевод неавторизованный)

---

¹⁶ *A European Turkey Stands to Be a Guiding Light for the Muslim World* // „The Daily Star“ (Beirut), 8.10.2005.